

* Аромат исчез и яшма потускнела (□□□□) — обр. о смерти красавицы.

Семнадцатое число третьего месяца, первый год правления Юнлэ*.

* Юнлэ (□□) — «вечная радость».

Весенний дождь моросил, будто прилипая к коже. Стоило открыть глаза, и казалось, что лень пропитала всё тело до самых костей, не давая подняться с постели.

— Который сейчас час... — Чжу Ди, с трудом пошевелившись, сбросил с себя одеяло.

Сюй Вэнь, опираясь на расписную ширму, с докладом в руке раздраженно ответила:

— Третий кэ часа мао*.

* 05:45.

— Почему меня не разбудили к утреннему приёму! — Чжу Ди в ужасе вскочил, чуть ли не кубарем скатившись с кровати, и покричал несколько раз, прежде чем старый, дряхлый евнух наконец вошёл, чтобы помочь ему одеться и умыться.

Натягивая на себя верхнюю одежду, Чжу Ди сердито проворчал:

— С тех пор как Лао-цзы въехал во дворец, ничего не идет как надо... Я же говорю... Императрица!

Сюй Вэнь в гневе воскликнула:

— Мне ещё нужно будить тебя на приём?! А вчера вечером, когда вернулся, ты хоть словом со мной обмолвился?!

Только тогда Чжу Ди вспомнил, что последние несколько месяцев был так занят государственными делами, что в глазах темнело. Возвращаясь во дворец глубокой ночью, он сразу падал на кровать, забывая даже поздороваться с Сюй Вэнь.

Сознавая свою неправоту, Чжу Ди хихикнул и подошёл, чтобы взять Сюй Вэнь за руку. Заискивающе улыбнувшись, он спросил:

— На что смотрит императрица?

Сюй Вэнь швырнула доклад на стол и распорядилась:

— Подавайте завтрак.

Императорская кухня уже давно ждала приказа Сюй Вэнь. Когда подали еду, Чжу Ди взглянул на тот доклад и с удивлением спросил:

— Список девиц из семей чиновников... Императрица отбирает служанок?

Сюй Вэнь не хотелось есть. Она лишь мешала ложечкой кашу с курицей, ответив:

— Устраиваю браки для Юньци и Фэн-эра, да и Гаочи тоже достиг подходящего возраста. Не говоря уж о прочем, кого-то всё равно нужно определить в покои*...

* Фанли (□□) — служанка, принятая в покои в качестве наложницы, не имеет статуса официальной наложницы (□), но её положение выше, чем у обычной служанки.

— Эй! — Чжу Ди поставил чашу. — Разве я не говорил давно, чтобы ты не беспокоилась об этом?

Сюй Вэнь с негодованием ответила:

— Государь, я уже ранее поднимала этот вопрос, и вы условились, что мы обсудим его после приезда в Интяньфу.

Чжу Ди, побаиваясь Сюй Вэнь, поспешно сказал:

— Ладно, ладно, хорошо. Но тебе лучше обсудить это с младшим шурином. Какой бы прекрасной ни была женщина, если он её не захочет, ты же не...

Сюй Вэнь, нахмутив брови, возразила:

— Родители решили, а сваха познакомила*. Причем тут, хочет он этого или нет? Государь, вы слишком балуете Юньци. Мужчина, достигнув совершеннолетия, должен жениться, а женщина, достигнув совершеннолетия, должна выйти замуж. Как это можно оставить на его усмотрение?

* Родители решили, а сваха познакомила (□□□□□□□□) — о традиционных свадьбах, вступить в брак по приказанию родителей и уговорам свахи.

Чжу Ди на мгновение запнулся. Сюй Вэнь, внимательно оглядев его, заметила, как у Чжу Ди

слегка дёрнулся уголок рта.

— Э-э... можно я взгляну на список? — спросил он.

Сюй Вэнь, придерживая список рукой, вдруг почувствовала тяжесть в груди. Дыхание почти перехватило, и она сердито выпалила:

— Государь тоже хочет взять себе наложницу?

Чжу Ди, не зная, куда деваться от досады, поспешно принялся похлопывать Сюй Вэнь по спине и ответил:

— Похоже, мне и вправду лучше держать свою драконью пасть на замке.

За столом воцарилась тишина. Слышался лишь лёгкий стук чашек и ложек. Обоим супругам стало не по себе. Сюй Вэнь вздохнула и сказала:

— Проклятая погода в Интяньфу, эта духота просто невыносима.

Чжу Ди понял, что Сюй Вэнь таким образом даёт ему возможность сгладить ситуацию, и, улыбаясь, подхватил:

— Может... тебе первой вернуться в Пекин?

Сюй Вэнь не ответила. Чжу Ди залпом допил кашу, тяжело выдохнул и произнёс:

— Дела в столице ещё не улажены, нужно немного подождать, прежде чем рассматривать вопрос о переносе столицы. Не то чтобы я намеренно затягивал...

Сюй Вэнь, нахмурив брови, заметила:

— Для генерала опаснее всего вести себя самоуправно и единолично принимать решения. К тому же ты один и изнуряешь себя до предела, разве так можно? Смотри, заболеешь от переутомления.

— Куда лучше — раздать дела министрам. А сейчас государь всё взваливает на себя...

— Императрица! — вспыхнул Чжу Ди.

Сюй Вэнь замолчала.

— Пойду, посмотрю дела. Обедай сама. Нет, пусть лучше позже Юньци составит тебе компанию.

Чжу Ди снова вздохнул, взял чай, чтобы прополоскать рот, и поспешно поднялся.

— Государь отправляется!

С тех пор как Чжу Ди стал хозяином Нанкина, он был занят день и ночь. Впервые сев за драконий стол, он понял, что быть императором — дело отнюдь не лёгкое.

При жизни Чжу Юаньчжана в день рассматривали и утверждали по три-четыре сотни докладов, а спал он менее двух часов в сутки. Чжу Ди, ещё не взойдя на престол и не совершив жертвоприношения Небу, только принял дела, как сразу столкнулся с едва утихшей войной. Бесчисленные военные донесения и вопросы народного благосостояния обрушились на него снежной лавиной, почти погребая под собой.

Те Сюань всё ещё в Шаньдуне, войска Цзинаня не разгромлены и в любой момент могут контратаковать.

А этот шурина ещё и Чжу Юньвэня отпустил. Ладно уж отпустил, но если вдруг Чжу Юньвэнь объединится с Те Сюанем и снова пойдёт войной? Сколько тогда прибавится хлопот?!

Северная Юань, узнав, что Янь-ван Великой Мин захватил власть, зашевелилась.

Цзяннань подала двору доклад с просьбой выделить зерно для посева.

Флот Великой Мин почти наполовину уничтожен, поэтому требуется выделить средства на его восстановление.

Императорский дворец сожжён на восемь десятых, что-то нужно разобрать, что-то подлатать, и по всему нужно принять надлежащие меры.

У мятежных чиновников прежней династии ещё остались приспешники, распространяющие слухи в городе, и их нужно вырвать с корнем.

Способные министры капризничают и прячутся, отказываясь являться во дворец, а неспособные без умолку галдят.

В довершение всего, его младший шурина и названный сын, с детства влюблённые друг в друга, со всей страстью предали мужеложеству, а императрица ещё насильно хочет подобрать им жён...

Чжу Ди выругался:

— Да блять!

Чжу Ди готов был плакать от отчаяния. Единственным его желанием было — пнуть ногой императорский стол и заорать во всё горло: «Лао-цзы бросает это дело!»

Юньци, стоя рядом, доброжелательно посоветовал:

— Государь, вы — пример для всей Поднебесной, нельзя постоянно говорить «да блять»...

Чжу Ди ответил:

— Брат императрицы, мне очень интересно, как тебе вообще удалось дожить до сегодняшнего дня? Разве стражам Цзиньвэй не запрещено вмешиваться в разговор?

Юньци пошутил:

— Когда ваш слуга служил Юньвэню, он тоже часто вмешивался в разговор. Почему-то не казнили. Вот в чём преимущество старого слуги трёх династий. Я полагаюсь на то, что служил многим императорам, что вы мне сделаете?

Чжу Ди невероятно устал, голова его покоилась на драконьем троне. Несколько дней напряжённой работы и недосыпа сделали его раздражительным. Нежные пальцы Юньци надавили на виски Чжу Ди, начав лёгкий массаж, отчего тому стало немного легче.

Чжу Ди облизнул губы, почувствовав сухость в горле, и приподнялся. Чашка в руках Юньци уже оказалась у его рта.

Чжу Ди сделал глоток холодного чая и почувствовал себя заметно бодрее. Причмокнув, он ощутил лёгкую пресность во рту, как вдруг пальцы Юньци, державшие ломтик женьшеня, уже поднесли его ко рту Чжу Ди.

Император удовлетворённо кивнул, взял кисть, поданную Юньци, и продолжил просматривать доклады.

— Теперь я понял, — не сдержав улыбки, произнес Чжу Ди. Он почувствовал, что без этого льстивого телохранителя действительно не обойтись.

Юньци сказал:

— Покойный император в своё время был ещё более занят. В императорском кабинете скапливалось так много докладов, что их складывали штабелями на полу.

Чжу Ди с горечью вздохнул:

— И зачем я прибыл в Интяньфу... Быть императором — это самому себе напасти...

— Государь, — строго произнёс Юньци.

Чжу Ди кивнул и снова спросил:

— И Юньвэнь раньше так же? Каждый день столько докладов?

Юньци ответил:

— Нет. Ему помогали утверждать доклады Великий воспитатель, Фан Сяожу и Ци Тай.

— После утреннего приёма Хуан Цзычэн приходил в императорский кабинет, забирал доклады, великие ученые мужи собирались вместе, утверждали их, а после полудня возвращали обратно. Затем ваш слуга или Жун Цин помогали проставлять на них нефритовую печать.

Юньци усмехнулся:

— Юньвэню даже держать нефритовую печать было лень. Говорил, рука затекает.

Чжу Ди на мгновение задумался, а затем произнёс:

— Всё же нужно распределить дела.

Юньци спокойно продолжил:

— Пусть гражданские чиновники и заносчивы, но они весьма искусны в управлении народным благосостоянием и государственными делами. Например, Фан Сяожу хорошо умел по стилю изложения в докладах судить о характере человека, и те, кого он рекомендовал, обычно не доставляли неприятностей.

Чжу Ди вдруг сказал:

— Я думал, ты больше всех хотел его убить.

Юньци ответил:

— Государство без таких людей не обойдётся. К тому же, если лишить его жалованья и заставить всю жизнь работать на государя даром, я считаю, это будет хуже, чем смерть.

Чжу Ди рассмеялся.

В кабинете воцарилась тишина. Юньци знал, что Чжу Ди погрузился в свои мысли, и не стал его прерывать. Чжу Ди заговорил снова:

— Твоя старшая сестра тоже часто торопит меня, говорит распределить дела. Похоже, мне нужно найти нескольких надёжных людей... чтобы помогали утверждать доклады.

— ...Из-за этого мы даже несколько раз поссорились, — добавил Чжу Ди. — Как думаешь, кому можно доверять?

Юньци ответил:

— В пятом месяце будет государственный экзамен.

Чжу Ди всё понял:

— Верно, пусть Фан Сяожу возьмёт нескольких новичков и научит их просматривать доклады... Брат императрицы, давай поменяемся местами! Трудно быть императором! Возвращаешься домой — ещё и ругают...

Юньци не сдержал улыбки. Чжу Ди продолжил:

— Иди поговори с императрицей, пообедай, а потом возвращайся. Смени кого-нибудь на службе.

Юньци поклонился:

— В таком случае, ваш слуга сначала откланивается.

Юньци вышел из императорского кабинета и, повернувшись, чтобы закрыть дверь, заметил, что Чжу Ди всё ещё смотрит на него. Их взгляды встретились. Юньци слегка опешил, затем улыбнулся, покачал головой и ушёл.

— Чего смеёшься! Совсем распустился... — голос Чжу Ди остался за дверью императорского кабинета.

Юньци сделал несколько шагов и как раз входил в императорский сад, когда вдруг стремительно подбежал евнух с бледным лицом, громко крича на ходу:

— Беда-а! Беда-а!!

Юньци вздрогнул от неожиданности и воскликнул:

— Стой! Что случилось, почему ты несёшься сломя голову?!

Тот старший евнух почти налетел на Юньци и упал на землю. Лицо его было залито слезами, и он заорал:

— Матушка-императрица при смерти!

У Юньци в голове мгновенно пронзительно зазвенело, мир поплыл перед глазами. Опираясь на стену, он спросил:

— Что произошло?! Не паникуй! Говори ясно...

Тот евнух кричал, обливаясь слезами, а вдали уже бежал другой человек. По пути он споткнулся и упал.

Юньци узнал в нем Саньбао, и сердце его мгновенно ушло в пятки.

Саньбао, ещё не пробежав шагов десяти, сорвавшимся голосом воскликнул:

— Младший шурин!

В одно мгновение восточная часть императорского сада погрузилась в хаос. Саньбао, едва не падая, бросился к ногам Юньци, поднял голову и зарыдал:

— Матушка императрица при смерти!!

У Юньци в глазах мгновенно потемнело. Прислонившись к дворцовой стене, он с трудом проговорил:

— Что случилось... не паникуй, не паникуй, Саньбао?

Голос Саньбао словно долетал издалека:

— Матушка-императрица после завтрака почувствовала тяжесть в груди... вызвали придворного лекаря на осмотр, и ей дали неправильное лекарство... она приняла одну дозу, и ей и стало плохо... сейчас она лежит на кровати и едва дышит...

Юньци растерянно произнёс:

— Ты... Саньбао, отведи меня к ней...

К тому времени, когда Юньци прибыл, Сюй Вэнь уже была мертва.

Все оказались застигнуты врасплох. Никто не ожидал, что она скончается в этот момент. Юньци ощущал, как зрение то пропадает, то возвращается, а окружающие предметы мелькали вокруг, словно вспышки света.

Он опустился на колени у кровати Сюй Вэнь и, дрожа, взял её уже заочковенную руку.

— Старшая сестра... старшая сестра... что с тобой, — бормотал Юньци. — Старшая сестра, очнись!

Под телом Сюй Вэнь растеклась лужа тёмно-фиолетовой крови. Её лицо было спокойно-бледным, она даже не успела оставить последних слов, как уже покинула этот мир.

— Тот придворный врач был рекомендован Хуан Цзычэном, сейчас он всё признал, — медленно произнёс Тоба Фэн тяжелым голосом. — Государь может лично допросить его... Государь! Ваше Величество!

— Кто-нибудь! — в тревоге крикнул Тоба Фэн. — С государем что-то неладное!

Юньци безучастно стоял на коленях перед кроватью. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем Тоба Фэн поднял его на руки. После этого Юньци окончательно потерял сознание.

Погребение.

— Юньци!

Юньци разрыдался, крича:

— Нет! Сестра-а!

— Скорее, держите брата императрицы! — заорал Чжу Ди.

Юньци бросился к гробу Сюй Вэнь, плача навзрыд.

— Юньци! Она уже мертва! — Чжу Ди яростно схватил Юньци за воротник и оттащил к себе. Не слушая возражений, он обнял его и прокричал в ухо: — Умерших не вернуть! Юньци!

Юньци в полубессознательном состоянии опустился на колени, обнял ногу Чжу Ди и зарыдал во весь голос:

— Старшей сестры нет! Как ты могла меня оставить! Сестра-а!

Почетный караул у гроба.

Сунь Тао спросил:

— Юнь-гэ-эр очнулся?

Ту Мин ответил:

— Тссс... пусть поспит ещё немного, Лао Ба за ним присматривает.

Сунь Тао тихо сказал:

— А Лао Ба разве не нужно спать? Днём он с Юнь-гэ-эром, а ночью несёт караул у гроба... это продолжается уже семь дней, даже железный не выдержит...

Юньци отворил дверь. Сунь Тао поспешно подошёл к нему, взял траурную ленту и повязал её Юньци на лоб.

— Проснулся? — Тоба Фэн вернулся во двор.

Юньци устало выдохнул:

— Ты поспи немного, а я пойду...

Тоба Фэн, с покрасневшими от усталости глазами, шагнул вперёд. Сунь Тао почтительно отступил. Тоба Фэн завязал Юньци траурный пояс, обнял его за плечи, и они вдвоём направились к траурному залу.

Внутри было пусто и тихо. Юньци, измождённый, прислонился к плечу Тоба Фэна, и они вдвоём молча смотрели на чёрный гроб.

Тоба Фэн из последних сил боролся со сном, голова его клонилась вниз. Юньци, сдавленно всхлипывая, обнял его.

— Не плачь... ши-гэ с тобой, — пробормотал Тоба Фэн. Пользуясь моментом, он положил голову на колени Юньци и уснул.

Шестой день, у входа в зал.

— Три поклона в утешение родственников по материнской линии! — провозгласил чиновник, проводящий церемонию.

Чжу Ди, в холщовых траурных одеждах, вместе с Гаочи, Гаосюем и Тоба Фэном опустился на колени и поклонился гробу.

Юньци стоял рядом с гробом, безучастно глядя в пустоту. Когда Чжу Ди совершал последний поклон, его лоб долго оставался прижатым к земле. Поднимаясь, он сплюнул полный рот крови и рухнул на бок.

— Государь!

— Отец!

Несколько месяцев спустя.

Чжу Ди и Юньци сидели плечом к плечу на ступенях у входа в императорскую гробницу. Стражник Сяолин подал им чай, и Юньци принял его, держа в обеих руках.

Бескрайнее небо простиралось на тысячи ли, зелёные горы напоминали тушь для бровей. У подножия горы Цзыцзиньшань тянулись плодородные поля, и шёлковой парчой струилась река Циньхуай.

Ворота императорской гробницы с грохотом захлопнулись. Слеза снова скатилась с уголка глаза Юньци и упала в чашку с чаем, вызвав брызги.

Чжу Ди повернул голову, взглянув на Юньци, затем погладил его по голове и утешил:

— Все люди смертны, Юньци.

Юньци, сдавленно всхлипывая, кивнул.

Чжу Ди снова сказал:

— Твоя старшая сестра ушла очень спокойно. Должно быть, она не сильно страдала.

Юньци рассеянно произнёс:

— Придворный врач ошибся с лекарством, она была беременна. Возможно, она лишь в какой-то момент испытывала боль, а потом прошло, и она уже ничего не чувствовала.

Чжу Ди спросил:

— Ты говорил с тем лекарем?

Юньци кивнул. Чжу Ди продолжил:

— Он всё ещё сидит в тюрьме. Через несколько дней, когда у младшего шурина выдастся свободное время, я собственноручно казню девять его родов.

Юньци вздохнул, но Чжу Ди положил ему руку на плечо.

Чжу Ди сказал:

— Ди, гэ уже всё устроил, вот так.

— Его не убьют сразу, а сначала отрежут половину языка, чтобы не покончил с собой, откусив его. Посадят на место казни, а затем будут одного за другим приводить его родственников... и при нем подвергать их казни тысячи надрезов...

Юньци мгновенно содрогнулся.

Чжу Ди спокойным тоном продолжил:

— Думаю, после того, как всех казнят, ему тем более нельзя позволять умереть. Нужно отрубить тому лекарю руки и ноги, выколоть глаза, проткнуть уши и посадить в кувшин...

Чжу Ди отряхнул рукава и поднялся. Юньци последовал за ним, и в тот миг в голове снова нахлынуло головокружение. Окружающий пейзаж погрузился во тьму.

Чжу Ди поспешно поддержал Юньци. Обняв мужчину за плечи, он прижал его к своей груди, одной рукой похлопал по спине и серьёзно сказал:

— Гэ всегда был твоей семьёй, Юньци. Возвращайся и хорошенько отдохни.

В восьмом месяце первого года правления Юнлэ на улице Наньюань перед столичным императорским дворцом возвели помост высотой в шесть чи и площадью в один чжан.

Ци Тая, Лянь Цзынина, Чжо Цзина и Чэнь Ди подвергли казни тысячи надрезов, и истребили три поколения их рода.

Жену, детей, отца и мать придворного лекаря Хуан Юаня подвергли казни тысячи надрезов, и истребили девять поколений его рода. Самого врача пожизненно заключили в темницу.

Хуан Цзычэна подвергли казни тысячи надрезов, и истребили три поколения его рода. Его жену и дочерей отправили в управление Цзяофан в качестве проституток.

Хуан Цзычэну было уже за пятьдесят, поэтому он не выдержал такой суровой казни и испустил дух после тысячи шестисот надрезов. Оставшиеся две тысячи разделили между его отцом, матерью и сыном.

Народ толпился за пределами императорского дворца, без умолку выражая порицание и указывая пальцами. Во дворце стояла золотая карета Чжу Ди с изображением девяти драконов.

Тоба Фэн, положив одну руку на меч, под палящим солнцем слушал разговор, доносившийся из кареты.

— Чжэнь отправил твоего второго брата обратно в Чжунли, пожаловал ему немного земель и выдал железную грамоту.

— Ваш слуга благодарит государя за великую милость.

— Заодно чжэнь велел доставить ту грамоту, которую хранит ваша семья, и ту, что пожаловал старик в память о твоём отце... Юньци, смотри.

— Эта — от старика, на ней написано «Тому, кто помог в основании и управлении государством». Ее пожаловали твоему отцу...

— Угу...

— А эту дает тебе гэ: «Почитающему Небо и усмирившему смуту». Тебе она не нужна, но лучше сохрани её. В будущем пригодится твоим потомкам, не потеряй. Во всей династии таких всего четыре: у тебя, Чжу Нэна и Яо Гуанся. Чжан Юй пал за меня в бою, и я дал еще одну его сыну...

— Ваш слуга благодарит государя... за великую милость. — у Юньци, слушающего истошные вопли за дворцовыми воротами, невольно сжалось сердце. — Государь, ваш слуга хочет вернуться.

— Ладно, возвращайся, хорошенько отдохни и потом приходи на приём.

Юньци откинул занавеску кареты, сошёл с неё и, держа в руке железную грамоту, пожалованную Чжу Ди, немного постоял. Тоба Фэн снял шлем и надел его на голову Юньци.

Мужчина растерянно поднял взгляд. Обзор ему закрывал генеральский шлем, и он не видел дорогу впереди.

Тоба Фэн улыбнулся:

— Этот сын* проводит командира Сюя отдохнуть.

* Досл. «сын-слуга» (子) — сын или дочь императора о себе при разговоре с императором или императрицей.

Чжу Ди холодно произнёс:

— Идите.

Прозвучал голос Тоба Фэна:

— Что значит железная грамота? Ши-гэ ещё такой не видел...

Голос Юньци ответил:

— Это грамота, защищающая от смерти. Дам тебе одну. Вот, держи эту, от Тайцзу. Она уже старая...

Чжу Ди приподнял занавеску кареты, провожая взглядом удаляющихся всё дальше Тоба Фэна и Юньци, которые держались за руки. Он словно хотел что-то сказать, но в конце концов удержался и промолчал.

(В этой истории Юньци и Тоба Фэна ждёт счастливая концовка. Если в последующем сюжете будут лёгкие драматичные моменты, пожалуйста, доверьтесь авторскому замыслу.)

Автору есть что сказать:

Сюй Вэнь умерла. Согласно официальным историческим записям, она скончалась в седьмом месяце пятого года правления Юнлэ.

Что касается императрицы Сюй, то в исторических оценках она описывается как «дочь из семьи генералов, обладающая честным и скромным характером. Часто её называли Чжугэ Ляном* в женском облики».

* Чжугэ Лян (181-234 гг.) — легендарный китайский стратег, политик и изобретатель эпохи Троецарствия. Был главным советником Лю Бэя, основателя государства Шу Хань. Считается воплощением мудрости и хитрости в китайской культуре, символом гениального стратега.

Мне искренне жаль, что она так умерла. Если бы она прожила дольше, то, возможно, в определённой степени повлияла бы на всю жизнь Чжу Ди и его политическую позицию, как императрица Ма повлияла на Чжу Юаньчжана.

Перед смертью императрица Сюй сказала Чжу Ди: «Нужно привлекать больше талантливых сановников, с уважением относиться к членам императорской семьи и не слишком баловать моих родственников».

А наследному принцу она сказала: «Когда Ли Цзинлун напал на Пекин, жёны и дочери всех воинов в городе последовали за мной, взяли в руки оружие и защищали город. Не забудь наградить их».

В данном произведении причина и время её смерти были несколько изменены, а также опущены некоторые подробности о её долгой болезни. Это сделано исключительно для развития сюжета романа, прошу не придавать этому значения.

И повторяюсь ещё разочок... На самом деле, мне кажется, что каноничная пара в этом тексте уже очень очевидна.

Собственно, она была обозначена уже в начале первой главы, разве не так ~~~

Да, и у каноничной пары счастливая концовка. Что же касается того, удержит ли зять своего младшего шурина — это уже не моё дело, кто заставлял его становиться императором~ (хихи)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326103>